

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2026.32.1.9](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.9)
EDN [FXZGVC](https://edn.ru/FXZGVC)
УДК 316.7:3

Р. Х. Симонян¹

¹ МГИМО МИД России. Москва, Россия

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЗНАНИЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОЦИОЛОГИИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация. Познание окружающей реальности всегда было для человека важнейшей экзистенциальной потребностью, позволяющей ему обеспечить необходимые условия жизни. В современных условиях массовой цифровой коммуникации и развития искусственного интеллекта резко повышается востребованность достоверного социального знания, обусловленная динамикой изменений общества и непредсказуемостью, связанной с ростом рискогенности и конфликтности окружающего мира. В этих условиях общественная рефлексия сопровождается расширением взаимодействия форм и практик отражения социальной реальности в информационном пространстве — СМИ и социальных сетях. Свою задачу автор видит не в анализе социальных последствий художественных произведений, что является предметом социологии литературы, а в рассмотрении синтеза научного и художественного методов в социальном познании как эффективного инструмента отражения общественных процессов и явлений. На широкой источниковедческой и фактологической основе показано взаимовлияние и взаимообогащение социологии и художественной литературы, формирующие субъектно-объектное единство научных и художественных средств в познании общества.

Ключевые слова: художественная литература, методы познания, социальная реальность, социальное прогнозирование, междисциплинарный подход, художественный образ

Для цитирования: Симонян Р. Х. Социальное познание: взаимодействие социологии и художественной литературы // Наука. Культура. Общество. 2026. Т. 32, № 1. С. 127–139. DOI [10.19181/nko.2026.32.1.9](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.9). EDN [FXZGVC](https://edn.ru/FXZGVC).

Введение в проблему. Сходство и различие научного и художественного методов познания, как и их взаимосвязь, занимали умы ещё античных философов. Платон, Аристотель и Демокрит с его тезисом «разум не может познать истину без чувств» отмечали неспособность одного лишь рационального знания полностью охватить общественные явления с их многообразием и динамизмом, не обращаясь к искусству, которое один из наиболее авторитетных русских социологов Ю. Н. Давыдов определил как «социологический феномен» [1]. Размышлять о взаимодействии научного и художественного познания окружающего мира философы продолжают и в новейшее время. Исследованию познавательного процесса И. Кант посвятил свой главный философский труд «Критика чистого разума». Ключевым понятием гносеологии Канта является «трансцендентальная апперцепция», учение о двух стволах человеческого познания, осуществляемого на уровне чувственности и мышления [2]. Э. Кассирер в книге «Познание и реальность: понятие о субстанции и понятие о функции» показал, что посредством логического мышления, устраняя всё единичное, индивидуальное, неповторимое, создавая общие, лишённые специфического значения понятия, вместо познания существующего многообразия можно прийти лишь к *абстрактному* пониманию единства реальной действительности [3]. Г. Рик-

керт в книге «Науки о природе и науки о культуре» показал, что действительность является гетерогенным континуумом, многообразие которого не может быть постигнуто рационально-понятийным подходом, с помощью которого мы строим мосты через поток реальности, но сама она уходит, просачиваясь через этот поток. Создавая понятия, рассудок обособляет отдельные качества и искусственно разделяет реальность, при этом утрачивается все, что лежит между границами понятий. Художественное познание представляет собой такую картину мироздания, где все составляющие её элементы находятся между собой в тесной взаимосвязи [4, с. 211].

На важную роль искусства и литературы в познавательных возможностях наиболее последовательно указывал один из самых влиятельных мыслителей XX в. М. Хайдеггер. Высоко оценивая роль художественного метода в познании, он считал, что сущность искусства — истина, познающаяся в творческом процессе: «в художественном творении речь идёт не о воспроизведении какого-либо отдельного наличного сущего, а о воспроизведении всеобщей сущности вещей» [5, с. 17]. Подчёркивая единство познания, Р. Барт пишет о «традиционном мнении, согласно которому существует пропасть между объективностью учёного и субъективностью писателя, словно привилегия первого — это “свобода”, а второго — “призвание”» [6, с. 47]. В реальности чувственное и рациональное — две составляющие процесса познания. Если философ Р. Декарт в работе «Страсти души» на первое место в познании ставит чувство удивления, которое служит важнейшим его стимулом и открытием нового [7, с. 534], то скульптор О. Роден подчёркивает значение мысли для художественного творчества: «Искусство — это работа мысли, ищущей понимания мира и делающей этот мир понятным» [8, с. 84]. В условиях современной тенденции перехода от синтеза естественных и социальных наук к более широкому синтезу форм познания — рациональной и чувственной — исследование их взаимосвязи становится актуальной научной проблемой.

В познавательной деятельности литература ближе других видов художественного творчества соприкасается с социальными науками, так как они используют общую систему знаков. Австрийский философ и языковед Л. Витгенштейн отмечал, что художественное произведение — есть нечто большее, чем его написанный текст, потому что текст обретает жизнь только в процессе чтения, подчёркивая, что и само чтение есть творческий процесс, в котором назначение слов — вызывать образы [9, с. 7–8].

Как и социология, художественная литература направлена на концептуальное представление о взаимодействии людей, что иллюстрируют произведения А. Данте, У. Шекспира, О. Бальзака, И. Гёте, Л. Толстого.

Взаимосвязь научной и художественной деятельности. Науку и искусство объединяет важнейшая человеческая способность — *наблюдательность*. Как активная форма чувственного познания наблюдение является универсальным методом познавательной деятельности. Результаты наблюдений формируют и априорное, и апостериорное знание. В наблюдении субъект познания приобретает то необходимое представление об объекте, которое невозможно получить никаким иным способом. В науке, начиная с античных времён, наблюдение является традиционным методом познания, с помощью которого Платон и Аристотель, не обладавшие нынешними социологическими методиками и техническими средствами, создали основы современного обществознания. О наблю-

дательности как умения видеть размышлял ещё Микеланджело, который подразделял людей на три группы: те, которые видят; те, которые видят, когда им показывают; и те, которые не видят даже тогда, когда им показывают [10, с. 158].

Многие учёные подчёркивают роль *образно-эстетических переживаний* в процессе совершения научных открытий и построения теорий. Искусство часто даёт непосредственный импульс научным размышлениям (например, экзистенциализм как наука о существовании человека формировался во многом в форме художественной литературы — Ж. П. Сартр, А. Камю, А. Моравиа, Э. Ионеско), равно как и наука открывает новые грани возможностей художественного освоения мира.

Далеко не все происходящие в мире процессы можно чувственно воспринять как целое, но их можно вообразить. *Творческое воображение* позволяет человеку заглянуть дальше и глубже проникнуть в сущность происходящего. Анализируя структуру сознания, Кант определил творческое воображение как соединительное звено между многообразием чувственных впечатлений и единством понятий рассудка. Воображение, создавая новое знание посредством синтеза чувственности и рассудка, наполняет всеобщую категориальную форму конкретным предметным содержанием [11, с. 749]. Кантовское учение о творческом воображении было продолжено Ф. Шеллингом, который показал, что творческое воображение есть единство сознательной и бессознательной деятельности [12, с. 53].

Творческое воображение особенно необходимо для общественных наук, являющихся наиболее стохастическими, где креативность является важнейшим свойством исследователя, что отмечено классиками социологии: «Социологическое воображение — это мастерство критически мыслящего интеллектуала» [13, с. 37]. Э. Гидденс особенно выделяет его инновационный потенциал: «Социологическое воображение — это способность отстраниться от рутины повседневной жизни, чтобы взглянуть на неё по-новому» [14, с. 34].

Точно такую роль воображение играет и в искусстве. «В творениях Шекспира, — отмечает В. Белинский, — не знаешь, чему больше удивляться — богатству всеобъемлющего ума или богатству творческой фантазии» [15, с. 348]. К воображению примыкают ассоциативная память и ассоциативное мышление. Идеи о взаимосвязи предметов в воображении развивались ещё в античной философии, но термин «ассоциация» для обозначения случайно возникшей взаимосвязи между предметами был введён в научный оборот Дж. Локком в начале XVIII в. Способность выстраивать ассоциативные связи и ассоциативные ряды помогает генерации новых идей в создании научного или художественного творческого продукта. Ассоциативное мышление служит своеобразным связующим звеном между конкретным и абстрактным, художественным и научным видами мышления.

В познавательной деятельности как в науке, так и в искусстве немалую роль играет *интуиция*, которая со времён Платона и Сократа трактуется с большим семантическим многообразием: от безотчётного озарения до особой, высшей формы знания [16]. Интуиция представляет собой неожиданно возникающее решение проблемы, что связано с появлением единого чувственно-логического образа, «выталкивающего» на поверхность сознания то, что до сих пор скрывалось в глубинах бессознательного у субъекта поисковой доминанты на основе непрерывных попыток решить проблему. Интуиция, понимаемая как «усмотре-

ние объективной связи вещей, не опирающееся на доказательство», играет важную роль в научном и художественном познании мира [17, с. 49].

К общим условиям формирования и проявления интуиции относится ассоциативное мышление у людей с широким диапазоном интересов, что связано с действием «подсказки», которая служит «пусковым механизмом» интуиции. При этом, чем шире кругозор личности, тем больше факторов для действия интуиции, так как художественная эрудиция учёного повышает его шансы на инновации и изобретения. Знаменитые научные открытия, совершённые благодаря творческой интуиции таких широко образованных учёных, как И. Ньютон, Т. Джефферсон, А. Эйнштейн, Д. Менделеев, А. Пуанкаре, А. Попов, А. Белл, И. Павлов, А. Флеминг, убедительно подтверждают это. Идея электродвигателя на переменном токе, вызвавшая революцию в электроэнергетике, осенила Н. Теслу во время чтения стихов [18, с. 394].

Взаимодействие и сближение логико-понятийного и художественного метода в познании сложных проблем общественного развития становится всё более заметным и результативным. В последние десятилетия общественные и гуманитарные науки всё чаще обращаются к литературным источникам, чутко реагирующим на вызовы неопределённости и манипулятивного воздействия современной реальности.

Производство социального знания: социологи и писатели. Общим для социологии и художественной литературы является не только объект, но и субъект познания — личность, обладающая творческим мышлением, сочетающимся с умением видеть как реальность, так и результаты её осмысления. Ф. Энгельс отмечал, что «из романов О. Бальзака мы можем узнать о жизни общества больше, чем из сочинений всех историков, экономистов, статистиков той эпохи, вместе взятых» [19, с. 26–27]. Сам Бальзак в конце жизни осознавал себя не как писателя, а как социолога: «30 лет занимаюсь физиологией французского общества» [20, с. 246].

В XX в. это единение вошло в практику. Так, испанский писатель Ф. Айяла был профессором социологии Мадридского университета, а русский писатель А. Зиновьев преподавал социологию на кафедре этики в МГУ.

Л. Толстой достиг совершенства в анализе состояния общества, описании переживаний индивидом кардинальных общественных перемен, роли личности в общественном развитии, других социальных и социально-психологических проблемах, исследование которых приносило ему огромное творческое удовлетворение. Так, в «Исповеди», анализируя отношения между индивидами, группами, сословиями, он пишет: «Чем больше я вникал в их жизнь, тем легче мне самому становилось жить» [21, с. 42]. Французский социолог Б. Латур отмечает, что в своих исследованиях испытал огромное влияние Л. Толстого [22, с. 104]. Но ещё в 1908 г. В. Ленин в статье «Лев Толстой как зеркало русской революции», показал, что в своём творчестве писатель отразил все ключевые общественные отношения России начала XX в., приведшие к глубокому кризису российского общества.

В России в условиях самодержавия классики русской литературы, начиная с А. Радищева, всегда выполняли функцию науки об обществе, что отметил Г. Плеханов: «У художника М. Горького может многому научиться даже самый учёный социолог» [23, с. 143]. Эта оценка сделана в 1916 г., но главное произведение Горького «Жизнь Клима Самгина» — роман-эпопея об обществен-

ной и духовной жизни России в предреволюционный период — было создано значительно позже, в 1928–1935 гг. Если Н. Бердяев, С. Булгаков, В. Розанов, П. Струве и другие философы осуществляли анализ общественных процессов в России, приведших к революции, научным методом, то писатель решал эту задачу художественным. В романе представлен собирательный образ социальных слоёв России, выписаны характеры революционеров, государственных чиновников, промышленников, рабочих, но в центре внимания — интеллигенция, её ответственность за ход истории. Писатель не просто описывает представителей этого сословия, но и анализирует их мировоззрение, идеалы, ценности.

В романе отражены типологические группы интеллигенции: радикально настроенные революционеры, либеральные реформаторы, пассивные наблюдатели происходящего, разочарованные идеалисты, потерявшие веру в возможность перемен, и другие. Общее число персонажей — более 700, среди которых много реальных лиц (Николай II, Савва Морозов, Александр Блок, Борис Савинков и др.) В идейных спорах героев упоминаются более 80 общественных деятелей и философов, с многими из которых Горький был лично знаком, а с В. Розановым, Ф. Степуном, В. Вернадским, Н. Михайловским, А. Богдановым вёл переписку. С Бердяевым в популярном тогда журнале «Летопись» Горький проводил вызвавшую острый общественный интерес полемику о соотношении европейского и азиатского в русском национальном сознании — проблему, не менее актуальную и сегодня.

Столь же обоснованно можно отнести к жанру фундаментального социологического исследования «Тихий Дон» М. Шолохова, где автор анализирует национальную трагедию — слом эпох, социальных норм и культурных традиций, который показан на судьбах конкретных людей — героев произведения. Сюда же можно отнести и роман «Прокляты и убиты» В. Астафьева, где показан процесс подготовки человека и общества к войне, фронтовой быт солдат и офицеров, их взаимоотношения между собой, сознание и поведение во время боевых действий, самоотверженность и высокий патриотизм народа, победившего фашистское нашествие. Авторы этих произведений сумели глубоко проникнуть в сущность судьбоносных для России событий — Гражданской войны и Великой Отечественной войны, — не только потому, что были участниками и свидетелями происходящего, но и потому, что обладали острым взглядом художников.

Писатель, проникающий в сложные взаимодействия людей или в глубины человеческой личности, по существу, выполняет задачи социологии и психологии. «Художники — ценные союзники, а их свидетельства следует высоко ценить, так как они знают множество вещей меж небом и землёй, которые ещё и не снились нашей учёности, — утверждает Фрейд. — Даже в знании психологии обычного человека они далеко впереди, поскольку черпают при этом из источников, которые мы ещё не открыли для науки» [24, с. 396].

Из художественных произведений З. Фрейд заимствовал сюжеты, приводящие к открытиям психоанализа. Эдипов комплекс был исследован на примере таких шедевров мировой литературы, как «Царь Эдип» Софокла, «Гамлет» Шекспира, «Братья Карамазовы» Достоевского. Фрейд ввёл в научный оборот понятие «бессознательное» — психические явления и процессы, которые протекают за пределами человеческого разума, не осознаются и не поддаются контролю воли.

Психоанализ Фрейда как метод познания структуры личности, как способ объяснения человеческого поведения, оказал значительное влияние на творчество

многих писателей, в том числе таких, как Т. Манн, Б. Брехт, Г. Гессе, Т. Драйзер, У. Фолкнер. Многие новеллы («Амок», «24 часа из жизни женщины», «Жгучая тайна», «Страх» и др.) австрийского писателя С. Цвейга могут служить художественно оформленными иллюстрациями к теоретическим разработкам Фрейда, с которым он дружил более 30 лет.

Цвейг обогатил психоанализом биографический метод, широко используемый в социологии. На его основе им созданы документальные жизнеописания Ф. Магеллана, М. Стюарт, Э. Роттердамского, О. Бальзака. Таким образом, процесс получения социального знания здесь совершает круг: от художественной литературы к науке, а от науки к художественной литературе, что подчёркивает единство научных и художественных методов познания.

Тесная взаимосвязь социологии и художественной литературы прослеживается в произведениях, подробно описывающих один день жизни обычного человека с его поступками, чувствами, размышлениями, контактами с другими людьми. Представителями наиболее известных произведений этого литературного жанра являются «Улисс» Дж. Джойса, «31 июня» Дж. Пристли, «Аэропорт» А. Хэйли, «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына, «И дольше века длится день...» Ч. Айтматова, являющиеся и по содержанию, и по форме образцами социологии повседневности, которая изучает самое массовое состояние социальной реальности.

Многие психологи, как зарубежные, так и отечественные, основывают свои концепции на творчестве Ф. Достоевского. И не только психологи. А. Эйнштейн считал, что Достоевский дал ему больше, чем математик К. Гаусс. При этом Эйнштейн особо отмечал роль образно-эстетических переживаний в процессе совершения научных открытий и построения теорий [25, с. 187].

Достоевский задолго до Фрейда проник в глубинные основы психики человека, раскрыл динамику взаимодействия сознательного и бессознательного. Эйнштейн и Достоевский исследовали непознанное пространство внешнего мира, окружающего человека, и его внутреннего мира. Стремление человека осмыслить себя во Вселенной столь же естественное, как и стремление познать самого себя, требует новаторства и творческого воображения. Эйнштейн применил новый взгляд в познании строения материи. Достоевский применил новый взгляд в познании человека.

Социология личности — отрасль социологии, изучающая личность как объект и субъект общественных отношений, учитывающая влияние биологических и психологических свойств человека на его связи и отношения. В условиях торжества философского закона о возрастании роли субъективного фактора в развитии общества социология личности становится особенно актуальной областью социального познания. «В XXI в. от психологической составляющей в системе причинных зависимостей решающим образом зависит жизнеспособность всей планетарной цивилизации» [26, с. 128].

Интерес к человеческой индивидуальности, наблюдение за её проявлениями — качества, необходимые в самой гуманной деятельности — лечебной. Не случайно среди писателей много профессиональных врачей. Из знаменитых зарубежных — это Ф. Рабле, Ф. Шиллер, А. Конан Дойл, А. Кронин, С. Моэм, Г. Стайн, Дж. Китс, С. Лем, в России — А. Чехов, В. Вересаев, М. Булгаков, В. Аксёнов, Г. Горин. И среди социологов много получивших медицинское образование. Из наиболее известных — англичане Дж. Кей и П. Гаскелл, немец С. Нейман, француз Д. Фассен, русский М. Горшков.

Единство субъекта научного и художественного познания мира особенно характерно для ключевых моментов человеческой истории. Наиболее ярко эта закономерность проявилась в эпоху Возрождения, когда её творцы были одновременно и художниками, и учёными. Так, Леонардо да Винчи был гениальным скульптором и живописцем, поэтом, музыкантом, философом, учёным-естествоиспытателем и инженером-конструктором. Его многие изобретения предвосхитили технический прогресс.

И сегодня поиски ответов на вызовы современности неизбежно приводят к интеграции научного и художественного познания окружающего мира.

Литературный процесс и образ как форма социального познания социальной реальности. Воздействие на эмоциональную сферу пробуждает активность человеческого интеллекта. В этой связи художественный метод «есть средство не выражать готовую мысль, а создавать её, то есть тот же мыслительный метод» [27, с. 134]. Но создавать не понятиями и суждениями, а художественными образами. «Философ пользуется силлогизмами, а писатель — образами, а говорят оба одно и то же. Один *доказывает*, другой *показывает*, и оба *убеждают*» [20, с. 149]. Писатели, создавшие нетленные образы реальности, вошедшие в сокровищницу мировой культуры, становятся классиками¹.

Ощущение, возникающее в результате воздействия предметов и явлений объективного мира на органы чувств, возбуждая нервные центры коры головного мозга, является исходным пунктом познания. Научный, логико-понятийный метод познания состоит из трех этапов — *догадка, гипотеза, теория*. На первом этапе — не столько понятия, сколько воображение, ассоциации, образы присутствуют в процессе познания, что свидетельствует о генетической связи науки и искусства. У человека на уровне бессознательного аккумулируются неосознанные им чувственные и понятийные образы, «являющие нашему взору не абстрактную сущность, а конкретную её действительность» [28, с. 384], что позволяет через художественное переживание проникнуть в сущностные характеристики бытия.

Английский социолог Д. Блур в книге «Знание и социальная образность» подчёркивает, что «художественный образ существует как феномен сознания, в котором происходят мыслительные операции его субъекта» [29, с. 89]. Если в понятийно-логической мысли всё однозначно, то образная мысль многозначна. Э. Хемингуэй в интервью о повести «Старик и море» высказал мысль о её смысловом диапазоне: «Я попытался дать настоящего старика и настоящего мальчика, настоящее море, настоящую рыбу, и настоящих акул. И, если это мне удалось сделать достаточно хорошо и правдиво, они могут быть истолкованы по-разному» [30, с. 20].

Одним из основных средств создания художественного образа является метафора, в которой происходит ассоциативное сопряжение разных предметов или явлений. А. Ричардс определил метафору как «вездесущий принцип языка» [31, с. 56], а Дж. Лакофф доказал, что «метафоры это не просто фигуры речи, но и способы мышления, а сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны» [32, с. 58]. Термин «метафора» принадлежит Аристотелю и связан с его пониманием искусства как отражение жизни. Также

¹ В 1991 г. в Союзе писателей СССР было 9958 писателей. В том числе в Тульской области — 106, сто лет назад был один, Лев Толстой.

понимал искусство Платон, который наряду с метафорой широко использовал в своём творчестве ещё один художественный приём — иносказание [33].

В отличие от научных терминов, обеспечивающих многократную воспроизводимость результатов познания объекта, *художественный образ является уникальным, обозначая типичное на примере единичного*. Процесс создания образа описывает Н. Добролюбов: «Художника поражает появление нового факта в окружающей действительности. У него ещё нет теоретических соображений, которые бы могли объяснить этот факт; но он видит, что тут есть что-то особенное, заслуживающее внимания, и с жадным любопытством всматривается в самый факт, усваивает его, носит его в своей душе сначала как единичное представление, потом присоединяет к нему другие, однородные факты и образы и, наконец, создаёт тип, выражающий в себе все существенные черты всех частных явлений этого рода» [34, с. 159].

За тысячелетия цивилизационного развития изменилась материальная среда, но основополагающие потребности людей, так же, как и их достоинства и пороки, не изменились. Это подтверждается успехами пьес Аристофана — написанные более 2,5 тыс. лет назад, они не выходят из репертуара современных театров. Не столь радикально как материальные условия, изменилась социальная среда человека. Так, Аристотель употреблял термин «олигархия» в значении «власть богатых». В новейшей истории слияние политической и экономической власти было впервые показано в романе Дж. Лондона «Железная пята» (1908). Произведение описывает будущее двадцатилетие США с 1913 по 1932 г., где власть принадлежит группе политических функционеров и промышленно-финансовых магнатов. Когда в 1933 г. к власти в Германии пришли нацисты, спонсорами которых являлись такие олигархи, как Г. Крупп, Ф. Тиссен, Я. Шахт, К. Бош, М. Варбург, А. Фёглер, аналитики обратили внимание на то, что многие процессы, происходящие тогда в Германии, были предсказаны писателем. Создавая образ олигархата, Дж. Лондон сумел предугадать характерные черты этого общественного устройства, даже конкретные формы провокаций для дискредитации оппонентов и удержания власти. В романе агенты режима в феврале 1913 г. взрывают здание Конгресса США, чтобы разделаться с политическими противниками — Социалистической партией. В Германии в феврале 1933 г. агенты нацистов организуют поджог Рейхстага, чтобы получить повод для запрета главного оппонента — Коммунистической партии. Дж. Лондон предсказал и другие знаковые события. Так, в его романе в декабре 1913 г. немцы потопили 3 американских линкора на военно-морской базе США на Гавайских островах. Через 28 лет в декабре 1941 г. в ходе Второй мировой войны там же 3 американских линкора потопили японцы.

Биография Дж. Лондона с огромным диапазоном трудовой деятельности, позволяющим выработать широкий взгляд на окружающий мир, способствовала интересу к социальной проблематике, улавливанию тенденций общественного развития. К этому необходимо добавить влияние на его мировоззрение творчества К. Маркса, Ф. Ницше и особенно популярного тогда в США английского философа и социолога Г. Спенсера, о чем Дж. Лондон написал в своей статье «О писательской философии жизни» (1899). Пример Дж. Лондона, М. Горького, Дж. Оруэлла и других писателей, прошедших суровую «школу жизни», подтверждает, что социальное видение — не только природный дар, но и выработанная годами творческая функция социального субъекта.

«Железная пята» Дж. Лондона открыла новое направление в литературе, получившее название *романов-антиутопий*. Термин «утопия» происходит от названия книги Т. Мора о «наилучшем устройстве государства и новом острове Утопии» (1516). Позже, в XVII в. Т. Кампанелла в книге «Город Солнца» (1623) также описал «идеальное» общество, живущее без частной собственности. В XIX в. жанр утопии получил развитие в сочинениях социалистов-утопистов: Э. Морелли, Ш. Фурье, Ф. Ламенне, Р. Оуэна, А. Сен-Симона и др. В России концепции «идеального общества» оказали большое влияние на Н. Чернышевского, который, находясь в Петропавловской крепости, написал роман «Что делать?». Утопическая картина будущей социальной гармонии показана в знаменитом «Четвёртом сне Веры Павловны». И хотя всем утопиям было суждено стать объектом острой и справедливой критики, они повысили интерес к размышлениям о направлениях развития общества. Возникшие после Первой мировой войны фашистские режимы в Италии, Германии, Испании, Португалии, Венгрии, Румынии, глобализация военных конфликтов, создание массовых средств уничтожения человечества, рост жестокости в достижении политических целей резко усилили тревожность людей в ожидании будущего, что вызвало появление антиутопий.

Если утопии создавались как прогноз будущего общественного устройства на основе логических умозаключений, исходя из реального роста всеобщего просвещения и научно-технического прогресса, то антиутопии — как предупреждение, полученное в результате художественного метода диагностики общественных тенденций, когда симптомы этих тенденций ещё едва заметны.

К этому жанру относится знаменитый роман Е. Замятина «Мы», написанный в 1920 г., действие которого происходит в Англии, где автор, инженер-судостроитель, во время Первой мировой войны участвовал в проектировании и строительстве на верфях Ньюкасла, Глазго и Сандерленда кораблей для России. Англия, переживающая пик своего имперского могущества, была в то время самой технически развитой страной. На основе «машинизированной» Англии наблюдательный русский инженер описывает техногенное общество будущего. Роман оказался знаковым — с него началась серия антиутопий о техногенном обществе. Последовавшие затем «О дивный новый мир» О. Хаксли (1932), «Скотный двор»² (1945) и «1984» (1948) Дж. Оруэлла, «451 градус по Фаренгейту» Р. Брэдбери (1952), «Механическое пианино» (1952) К. Воннегута, описывающие будущее общество, в котором машины вытесняют людей. Эти получившие широкое признание художественные образы оказались остро востребованными для социального познания. Оруэлл в своей рецензии на книгу Замятина отметил её огромное влияние на авторов последующих антиутопий³.

Выводы и перспективы. Чем больше общество знает о себе, тем более зрым оно становится. Самопознание общества в условиях роста социально-политической и экономической турбулентности современного мира является особенно актуальной задачей, в решении которой важная роль принадлежит синтезу методов социологии как теоретической и эмпирической науки об обществе [35] и художественной литературы, обладающей своим беллетристическим гносеологическим потенциалом.

² Как и роман Замятина книга Оруэлла написана на материалах английской реальности.

³ Orwell G. Review of "WE" by E. I. Zamyatin // Tribune. London. Januar 4, 1946. P. 5–7.

Познавательная ценность художественной литературы определяется участием в процессе познания самого объекта, которому адресованы метод и образ. Психологическое различие в процессе усвоения знаний между «заставляет» и «впечатляет» точно выразил М. Вебер: «художественные образы воспринимаются лучше, чем научные понятия, захватывающие оппонента в “логические тиски”, из которых он не может вырваться, не согласившись» [36, с. 109].

Для того чтобы социальное знание сделать достоянием общества, художественная литература часто обладает большим ресурсом, чем наука. Так, воздействие на российское общество многочисленных научных публикаций о Гражданской войне, включая вышедший с 1935 по 1960 гг. фундаментальный пятитомник «История Гражданской войны в СССР», созданный ведущими советскими обществоведами, безусловно уступает воздействию художественных произведений об этом событии классиков русской литературы — А. Аверченко, И. Бабеля, М. Булгакова, И. Бунина, М. Горького, А. Куприна, Б. Пастернака, А. Толстого, в том числе, отмеченному Нобелевской премией роману-эпопее М. Шолохова «Тихий Дон», изданному в нашей стране 342 раза общим тиражом свыше 23 млн экземпляров.

Можно привести и более современный пример. Опасность исламизации Западной Европы нашла отражение в научной литературе (Ю. Хабермас, К. Колдуэлл, Дж. Эспозито, Д. Браун и др.)⁴. Однако масштаб тревоги общественности за судьбу Европы наиболее осязательно показал роман-антиутопия «Мечеть Парижской богородицы» российской писательницы Е. Чудиновой (2005). Он был переведён на многие европейские языки, на его основе были сняты художественные и документальные фильмы.

В противопоставлении марксистского понятия «ложное сознание» и феноменологии эмоций заключается ещё одно достоинство художественного образа — его конкретность, а главное, чёткая метафизическая направленность, поэтому художественный образ классиков литературы отражает реальность. В то время как в общественных науках часто происходит отрыв понятия от его предмета для решения идеологических задач. Понятиями можно манипулировать, как это, например, было с «развитым социализмом» в позднесоветский период, или нынешними попытками замены прикладного статистического понятия «средний потребительский слой» на фундаментальное политэкономическое — «средний класс», или административное «номенклатура» (назначенные) на аксиологическое «элита» (лучшие в своей области). В этой связи П. Бурдьё отмечает, что уже «само обозначение социального объекта является эффективным методом управления массовым сознанием» [37, с. 203].

Прогностическую функцию познания художественная литература часто выполняет успешнее. Задолго до появления первой подводной лодки «Наутилус» прошёл 80 тыс. льё под водой в романе Ж. Верна. Полёты в космос сначала были осуществлены на страницах романа А. Толстого «Аэлита». Он же в романе «Гиперболоид инженера Гарина» предсказал изобретение лазерного луча. К. Чапек в пьесе «R.U.R.» не только предсказал появление механического человека, но и ввёл в научный оборот понятие «робот».

Научный метод исследования общества предусматривает последовательные этапы: отбор и накопление фактов, затем их анализ и формирование выводов,

⁴ Habermas J. Zur Verfassung Europas. Ein Essay. Berlin: Suhrkamp, 2011; Esposito J. L. Unholy War: Terror in the Name of Islam. Oxford University Press, 2003; Brown D. Rethinking Tradition in Modern Islamic Thought. Cambridge University Press, 1999.

на основании которых делается прогноз развития общества, часто уже устаревший, так как ситуация изменилась. Поэтому прогнозы, сделанные в произведениях художественной литературы, часто оказываются более своевременными.

В сегодняшнем мире информационного шума и управления хаосом псевдо-реальностей, торжества видео над словом, экспансии медиа, сетевых технологий и искусственного интеллекта в сферу образования, социология как наука об обществе и художественная литература остаются важнейшими институтами достоверного отражения жизни в публичных пространствах социума. В этой связи представляется своевременным и целесообразным обратиться к совсем недавнему успешному отечественному опыту организации систем массового научно-популярного просвещения и художественного литературного процесса, но уже в условиях массовых цифровых технологий и тесного сотрудничества гражданского общества и государства в интересах устойчивого развития и построения справедливого многополярного мира.

Библиографический список

1. Давыдов Ю. Н. Искусство как социологический феномен : К характеристике эстетико-политических взглядов Платона и Аристотеля. М. : Наука, 1968. 285 с.
2. Кант И. Сочинения : в 6 т. Т. 5. М. : Мысль, 1966. 562 с.
3. Кассирер Э. Познание и действительность : Понятие о субстанции и понятие о функции. СПб. : Алетейя, 1996. 437 с.
4. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М. : Республика, 1998. 410 с.
5. Хайдеггер М. Исток художественного творения. М. : Академический Проект, 2008. 527 с. EDN [QWTDYP](#).
6. Барт Р. Избранные работы : Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1989. 615 с.
7. Декарт Р. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1989. 654 с.
8. Роден О. Сборник статей о творчестве. М. : Прогресс, 1960. 120 с.
9. Витгенштейн Л. Культура и ценности // Даугава. 1992. № 2. С. 5–17.
10. Микеланджело. Поэзия. Письма. Суждения современников. М. : Искусство, 1983. 451 с.
11. Кант И. Сочинения : в 6 т. Т. 3: Критика чистого разума. М. : Мысль, 1964.
12. Шеллинг Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1989. 636 с.
13. Миллс Ч. Социологическое воображение. М. : Стратегия, 1998. 261 с.
14. Гидденс Э. Социология. М. : Эдиториал УРСС, 1999. 703 с.
15. Беллинский В. Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 10: Статьи и рецензии. 1846–1848. М. : Изд-во АН СССР, 1956. 474 с.
16. Асмус В. Ф. Проблема интуиции в философии и математике : очерк истории: XVII – нач. XX в. М. : Мысль, 1965. 312 с. EDN [VQMKVJ](#).
17. Фейнберг Е. Л. Две культуры : Интуиция и логика в искусстве и науке. М. : Наука, 1992. 247 с.
18. Тесла Н. Лекции. Самара : Агни, 2008. 310 с.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 30 т. Т. 28 : Письма. 1888–1891. М. : Политиздат, 1940. 471 с.
20. Бальзак О. Собрание сочинений : в 24 т. Т. 23 : Очерки. Письма. М. : Правда, 1960. 375 с.
21. Толстой Л. Полное собрание сочинений : в 90 т. Т. 23 : Произведения 1879–1884. М. : ХудЛит, 1957. 582 с.
22. Латур Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе // Логос. 2017. Т. 27, № 2. С. 95–156. EDN [YMICCL](#).
23. Плеханов Г. В. Сочинения : в 24 т. Т. 24 : История русской общественной мысли в XIX веке (материалы). Кн. 2. От 60-х до 90-х годов. М. : Госиздат, 1927. 383 с.
24. Фрейд З. Художник и фантазирование. М. : Республика, 1995. 396 с.
25. Каку М. Космос Эйнштейна. М. : Альпина, 2016. 272 с.
26. Назаретян А. П. Психология в социальном прогнозировании: ещё раз о причинных зависимостях // Вопросы философии. 2016. № 7. С. 115–129. EDN [WGEWUP](#).
27. Потемня А. А. Мысль и язык. М. : Лабиринт, 2007. 248 с.

28. Гегель Г. Эстетика : в 4 т. Т. 3. М. : Искусство, 1971. 623 с.
29. Хемингуэй Э. Избранные произведения : в 2 т. Т. 2. М. : Гослитиздат, 1959. 655 с.
30. Bloor D. Knowledge and social imagery. University of Chicago Press, 1976. 203 с.
31. Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры : сборник / Сост. Н. Д. Арутюнова. М. : Прогресс, 1990. С. 44–65.
32. Lakoff G. The Invariance hypothesis: is abstract reasoning based on image-schemas? // Cognitive Linguistics. 1990. No. 1-1. P. 39–74.
33. Геворкян А. Т. Иносказание Платона. Ереван : Айастан, 1987. 193 с.
34. Добролюбов Н. А. Темное царство. М. : Госиздат, 1923. 216 с.
35. Доган М. Социология среди социальных наук // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 3–13. EDN MVKVUP.
36. Weber M. Schriften 1894–1922. Stuttgart : Kröner, 2002. 827 p.
37. Bourdieu P., Passeron J. La reproduction. Elements pour une theorie du systeme denseignemnt. Paris : Editions de Minuit, 1970. 279 p.

Поступила: 18.07.2025. Доработана: 30.09.2025. Принята: 21.10.2025.

Сведения об авторе:

Симонян Ренальд Хикарович, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России. Москва, Россия. simonyan.renald@yandex.ru
Author ID РИНЦ: 113226

R. H. Simonyan¹

¹ MGIMO University. Moscow, Russia

THE INTERPLAY BETWEEN SOCIOLOGY AND LITERATURE

Abstract. Knowledge of the surrounding reality has always been the most important existential need for a person, allowing them to ensure the necessary living conditions. In modern conditions of mass digital communication and artificial intelligence development, the demand for reliable social knowledge is sharply increasing, due to the dynamics of social changes and unpredictability associated with the growth of risk-generating and conflict-generating factors in the surrounding world. In these conditions, social reflection is accompanied by an expansion of the interaction of forms and practices of reflecting social reality in the information space — mass media and social networks. The author sees their task not in analyzing the social consequences of artistic works, which is the subject of the sociology of literature, but in examining the synthesis of scientific and artistic methods in social cognition as an effective tool for reflecting social processes and phenomena. On a broad source-study and factual basis, the mutual influence and enrichment of sociology and fiction are shown, forming the subject-object unity of scientific and artistic means in the cognition of society.

Keywords: fiction, methods of cognition, social reality, social forecasting, interdisciplinary approach, artistic image

For citation: Simonyan R. H. Social Knowledge: The interplay between sociology and literature. *Science. Culture. Society*. 2026;32(1):127–139. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.9>

References

1. Davydov Yu. N. Art as a sociological phenomenon: On the characterization of the aesthetic and political views of Plato and Aristotle. Moscow: Nauka; 1968. (In Russ.).
2. Kant I. Works: in 6 vols. Vol. 5. Moscow: Mysl'; 1966. (In Russ.).
3. Cassirer E. Cognition and reality: The concept of substance and the concept of function. St. Petersburg: Aleteya; 1996. (In Russ.).
4. Rickert G. Sciences of nature and sciences of culture. Moscow: Respublika; 1998. (In Russ.).

5. Heidegger M. Der Ursprung des Kunstwerkes. Moscow: Akademicheskii Proekt; 2008. (In Russ.).
6. Bart R. Selected Works: Semiotics. Poetics. Moscow: Progress; 1989. (In Russ.).
7. Descartes R. Works: in 2 vols. Vol. 1. Moscow: Mysl'; 1989. (In Russ.).
8. Rodin O. Collection of articles on creativity. Moscow: Progress; 1960. (In Russ.).
9. Wittgenstein L. Culture and Value. *Daugava*. 1992;(2):5–17. (In Russ.).
10. Michelangelo. Poetry. Letters. Judgments of contemporaries. Moscow: Iskustvo; 1983. (In Russ.).
11. Kant I. Works: in 6 vols. Vol. 3: Kritik der reinen Vernunft. Moscow: Mysl'; 1964. (In Russ.).
12. Schelling F. Works: in 2 vols. Vol. 2. Moscow: Mysl'; 1989. (In Russ.).
13. Mills C. The Sociological Imagination. Moscow: Strategiya; 1998. (In Russ.).
14. Giddens A. Sociology. Moscow: Editorial URSS; 1999. (In Russ.).
15. Belinsky V. G. Complete Works: in 13 vols. Vol. 10: Articles and Reviews. 1846–1848. Moscow: AN SSSR; 1956. (In Russ.).
16. Asmus V. F. The problem of intuition in philosophy and mathematics: a historical sketch: 17th – early 20th century. Moscow: Mysl'; 1965. (In Russ.).
17. Feynberg E. L. Two cultures: intuition and logic in art and science. Moscow: Nauka; 1992. (In Russ.).
18. Tesla N. Lectures. Samara: Agni; 2008. (In Russ.).
19. Marx K., Engels F. Works: in 30 vols. Vol. 28: Letters. 1888–1891. Moscow: Politizdat; 1940. (In Russ.).
20. Balzac H. Collected Works: in 24 vols. Vol. 23 : Essays. Letters. Moscow: Pravda; 1960. (In Russ.).
21. Tolstoy L. Complete Works: in 90 vols. Vol. 23 : Works 1879–1884. Moscow: KhudLit; 1957. (In Russ.).
22. Latour B. Visualization and cognition: drawing things together. *Logos*. 2017;27(2):95–156. (In Russ.).
23. Plekhanov G. V. Works: in 24 vols. Vol. 24 : History of Russian social thought in the 19th century (materials). Book 2. From the 1860s to the 1890s. Moscow: Gosizdat; 1927. (In Russ.).
24. Freud Z. The Artist and Fantasizing. Moscow: Respublika; 1995. (In Russ.).
25. Kaku M. Einstein's Cosmos. Moscow: Al'pina; 2016. (In Russ.).
26. Nazaretyan A. P. Psychology in social forecasting: peering into the system causalities. *Voprosy Filosofii*. 2016;(7):115–130. (In Russ.).
27. Potebnya A. A. Thought and language. Moscow: Labirint; 2007. (In Russ.).
28. Hegel G. Aesthetics: in 4 vols. Vol. 3. Moscow: Iskustvo; 1971. (In Russ.).
29. Hemingway E. Selected Works: in 2 vols. Vol. 2. Moscow: Goslitizdat; 1959. (In Russ.).
30. Bloor D. Knowledge and social imagery. University of Chicago Press; 1976.
31. Richards I. A. The Philosophy of rhetoric. In: Arutyunova N. D. (comp.) Theory of Metaphor: anthology. Moscow: Progress; 1990. P. 44–65. (In Russ.).
32. Lakoff G. The Invariance hypothesis: is abstract reasoning based on image-schemas? *Cognitive Linguistics*. 1990;1(1):39–74.
33. Gevorkyan A. T. Plato's Allegories. Yerevan: Ayastan; 1987. (In Russ.).
34. Dobrolyubov N. A. The Dark Kingdom. Moscow: Gosizdat; 1923. (In Russ.).
35. Dogan M. Sociology among social sciences. *Sociological Studies*. 2010;(10):3–14. (In Russ.).
36. Weber M. Schriften 1894–1922. Stuttgart: Kröner; 2002.
37. Bourdieu P., Passeron J. La reproduction. Elements pour une theorie du systeme d'enseignement. Paris: Editions de Minuit; 1970.

Received: 18.07.2025. Corrected: 30.09.2025. Accepted: 21.10.2025.

Author information:

Renald H. Simonyan, Doctor of Sociology, Professor, Main researcher
at the Institute for International Studies, MGIMO University. Moscow, Russia.

simonyan.renald@yandex.ru